

ФИЛОЛОГИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. К. Матвеев

СОБСТВЕННО РУССКАЯ ТОПОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ДРЕВНЕМ НАСЕЛЕНИИ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Несмотря на то, что топонимические и диалектологические экспедиции продолжают дарить лингвистической и исторической науке все новые бесценные факты как собственно русской, так и субстратной топонимии, лингвисты-полевики уже сознают, что конец полевых сборов не за горами. Найти хороших информантов все труднее. Экстенсивный сбор фактов завершается.

Разумеется, многое уже сделано. Богатейшие материалы хранятся в карточках. Но есть и обширные лакуны. Собиратели явно не успевают. Поэтому в первую очередь надо фиксировать самое ценное. А в топонимии любую ценность представляют сохранившиеся кое-где компактные гнезда топонимов и микропонимов – реликты бесписьменных языков, оставленные древним населением.

Поэтому на смену экстенсивному сбору материала должен прийти направленный (адресный) сбор топонимии, в частности субстратных названий. В первую очередь следует установить, где находятся наиболее важные для их поиска территории и где они уязвимее с точки зрения топонимической экологии. Первое определяется по историко-этнографическим свидетельствам, а также данным собственно русской топонимии, второе зависит от современных социально-экономических и демографических факторов, проще говоря, судьбы конкретных деревень.

Предмет этой статьи – собственно русская топонимия как источник сведений о древнем населении севера европейской части России (Русского Севера), под которым имеется в виду территория современных Архангельской и Вологодской областей (в дальнейшем – Север).

Естественно, свидетельства русской топонимии о древнем населении Севера не следует рассматривать только как своего рода индикаторы. Они имеют и самостоятельную научную ценность, иногда немалую. Однако эти свидетельства крайне разнородны и преимущественно несопоставимы по исторической достоверности и ценности. Этническая принадлежность древнего населения Севера, его быт и культура наиболее надежно раскрываются прежде всего путем изучения субстратной топонимии и диалектных заимствований, тогда как русская топонимия дает очень фрагментарное, преломленное, а порой и искаженное представление о древних насельниках.

Тем не менее указания на местонахождение древнего населения, как прямые, так и косвенные, служат некими ориентирами и могут быть использованы при поиске субстратных топонимов. В этом объективная прагматическая ценность свидетельств русской топонимии о древнем населении: на начальных этапах исследования их необходимо тщательно анализировать и при апробации учитывать в дальнейшем. В то же время актуальны проблемы верификации и классификации этих свидетельств, большей или меньшей информационной ценности выделенных типов, а в конечном счете целесообразности их использования при реконструкции лингвоэтнической карты прошлого. Не надо забывать также о тех трудностях и опасностях, которые подстерегают исследователя при извлечении лингвоэтнической информации о древнем населении из собственно русских географических названий. Таким образом, этот в сущности частный и периферийный вопрос представляет немалый интерес и с методической точки зрения.

Естественно, что в состав собственно русской топонимии прежде всего входят топонимы, образованные на русской почве от славянских корней и не включаются субстратные названия, хотя теперь и они являются русскими. Труднее решить вопрос о некоторых других названиях, производных от заимствованных слов.

Очевидно, к собственно русским топонимам следует причислить такие вторичные онома, как наименования, образованные от старых заимствований, например нарицательных обозначений деревень типа *улус* или *чум*, а также топонимические производные от заимствованных этнонимов *корела*, *лопь*, *меря* и т. п. Дело в том, что названия деревень типа *Улус*, *Чум* по своей природе не должны быть субстратными, поскольку местные коренные жители, как правило, обозначают поселения на своем языке особыми ойконимами, которые при определенных условиях и становятся субстратными. Это один из общих принципов топонимической номинации. То же самое можно сказать и о давно заимствованных этнонимах. Внешние этнонимы типа *лопь* не могут быть субстратными «по определению». Так, например, сами лопари называют себя саамами, поэтому не случайно самоназвание *саам* не отражено в русской топонимии, тогда как *лопь*, *лопарь* засвидетельствованы в ней неоднократно.

Этнонимы-самоназвания, которые одновременно являются и внешними этнонимами (*корела* > *карелы*), также должны рассматриваться прежде всего как заимствования, а не субстратные включения, поскольку при

ассимиляции они сохраняются в первую очередь в памяти населения соседних деревень. Сами же коренные жители после утраты этнического самосознания и забвения родного языка обычно переносят на себя самоназвание ассимилирующего народа или пользуются (в воспоминаниях о прошлом) своим внешним этнонимом, усвоенным от соседей. Так, в некоторых русских деревнях Северного Урала, где в отличие от Севера ассимилятивные процессы завершились совсем недавно – в течение XX века, местное население еще хорошо помнит о своих нерусских корнях. Там говорят: «мы – вогулы», используя внешний этноним *вогул*, но никто не знает самоназвания *манси*.

Предлагаемые критерии не абсолютны, и какие-то исключения могут быть, но для нашего исследования это не так существенно. Даже если этноним является субстратным и не относится к собственно русской топонимии, суть дела не меняется. Важно, чтобы он активно использовался русскими: фактические сведения о народе намного существеннее, чем почти всегда проблематичная информация о механизме их закрепления в усваивающем языке.

Таковы рамки, ограничивающие материальную основу исследования.

Наиболее очевидные и подчас предельно конкретные указания на дорусское население содержат этнотопонимы, что уже давно установлено и неоднократно использовалось в исследовательской практике [см.: Попов, 1965, 76–85]. Ср. этноним *меря* и название урочища *Мерьские Болота* в Красноборском районе Архангельской области, а также аналогичный топоним болотце *Мерьское* в исконных мерянских землях на территории Московской области. Ср. еще этноним *лопь* (производное – *лопарь*) и ойконим *Лопариха* в Усть-Кубенском районе Вологодской области и т. п.

Все названия такого рода, даже если они единичны, как архангельские *Мерьские Болота*, представляют значительный интерес. Это своего рода сигналы, указывающие на то, что к данной территории нужно проявить внимание и что здесь возможны ценные находки. В то же время роль единичных этнотопонимов не следует преувеличивать, как, впрочем, и вообще значение этнотопонимии для лингвистических исследований, поскольку эти названия далеко не всегда могут быть основанием для корректных историко-лингвистических выводов. Многое затрудняет или даже делает невозможным использование этнотопонимических фактов.

1. Уже давно установлено, что очень многие этнотопонимы фактически являются этноантропотопонимами, т. е. географическими названиями, образованными от антропонимов, в основе которых этнонимы, т. е. от этноантропонимов. Так, в Шекснинском районе Вологодской области записано название урочища *Меричевых Чища*. В основе фамилии *Меричев* логично видеть этноним *меричи*, производный от *меря* и аналогичный таким названиям, как *русичи*, *пермичи* и многие другие. Это очень интересное название – типичный этноантропотопоним, который не может рассматриваться, как свидетельство былого пребывания мери на территории Шекснинского района, даже при наличии других данных о том, что она там обитала, поскольку *Меричевы* могли быть мигрантами из других мест. Положение меняется, если *Меричев* – чисто местная фамилия, но это очень трудно доказать. Поэтому в

целом этноантропотопонимы дают мало материала для серьезных лингвоэтнических выводов, особенно такие единичные, как *Меричевых Чища*.

2. Следовательно, важно учитывать частотность этнотопонимов. Даже бесспорно этнодифференцирующие названия типа *Корелы* или *Мерьские Болота* могут содержать дезориентирующую информацию, если они единичны на данной территории (микротерритории). Причиной их появления может быть переселение одной семьи (и даже одного человека) или транспортировка названия русскими, когда оно становится вторичным. Достаточно надежные сведения, которые могут быть положены в основу лингвоэтнических выводов, должны иметь сколько-нибудь систематический характер.

3. Фактический материал не подтверждает широко распространенный тезис о том, что этнотопонимы встречаются прежде всего в зоне пограничного (маргинального) контакта двух народов [см.: Попов, 1965, 83]. Во всяком случае к территории Севера это положение неприменимо. Русские и финно-угры жили здесь длительное время чересполосно, и контакты между ними носили внутрирегionalный характер. Поэтому на Севере возникли этнотопонимические зоны, охватывающие обширные территории [см. об этом: Пантелеева, Янчевская, 1965, 159–161]. Этнотопонимический ареал *карел* занимает северо-западную половину Севера, совпадая в основном с зоной распространения прибалтийско-финских микротопонимических типов. Топонимы, образованные от этнонима *чудь*, больше тяготеют к юго-восточной половине Севера, а географические названия, производные от *самоед*, характерны для севера Архангельской области и оконтуривают зону хозяйственных интересов ненцев. В Волго-Окском междуречье названия, содержащие этноним *меря*, распространены почти по всей территории исторических мерянских земель, что также доказывает внутритерриториальный характер финно-угорско-русских контактов. Более того, появление самих этнотопонимов не является императивом: в бассейне Ваги в Архангельской области на весьма ограниченной территории жители 30 деревень имеют коллективное прозвище *зырь* (> *зыряне*) и все приписываемые дорусскому населению атрибуты (нечистоплотность, некультурность, драчливость и т. п.), но здесь не зафиксировано ни одного этнотопонима, производного от *зырь*.

4. Наименования древних и средневековых племен и народов сплошь и рядом переносились на соседей. Известно, например, что остяками называли чуть ли не все население Западной Сибири. По существу, недифференцирующим стал широко распространенный на Севере этноним *чудь* (ср. названия типа *Чудская Стена* – каменная гряда в р. Устья и т. п.), закрепившийся за всем дорусским населением. Заметим, однако, что некоторые из предшествующих русским племен отличали себя от чуди (ср. название мыса Чудьнема ‘Чудской мыс’ в прибалтийско-финской топонимии верхней Пинеги; топорформант *нема* ‘мыс’ сопоставляется с финским *niemi*, карельским *niemi*, вепсским *pet* ‘мыс’). По-видимому, и средневековое русское население Севера различало *чудь* и *лопь*, *чудь* и *карел* и т. п. Этнотопонимический ареал *чудь* на Севере (см. выше) позволяет видеть в ней древнее северно-финское население и, возможно, историческую Чудь Заволочскую. Поэтому, считая этно-

ним *чудь* недифференцирующим, приходится признать, что этнотопонимы, образованные от *чудь*, по крайней мере в некоторых районах Севера, сохранили свои исторические этнодифференцирующие свойства, реализуемые в ареальных оппозициях.

Нет сомнения и в том, что этноним *зырь* в Поважье обозначал не коми-зырян, а какой-то другой народ, территориально локализуемый, но лингво-этнически неидентифицированный (предположения такого рода были сделаны в работах А. К. Матвеева [1984; 1998]).

Таким образом, этнотопонимическая информация может быть и очень богатой, и крайне фрагментарной, а иногда и совершенно стертой временем. Она бывает полезна в той или иной степени, но требует строгой верификации и критической оценки.

Этнотопонимы содержат прямое указание на дорусское население. Некоторые косвенные данные о древних жителях Севера можно извлечь из других топонимических источников.

Во-первых, полезно обращать внимание на названия разновидностей административно-территориальных единиц и населенных пунктов. Иногда они могут в той или иной форме указывать на этническую специфику местных жителей. Так, наименования *Устьянские волости* и *Чарондская округа* не вписываются в традиционное для средневекового Севера членение на многочисленные уезды. Действительно, есть ряд топонимических данных, особенно по Устьянским волостям, заставляющих думать об этническом своеобразии местного населения, проживавшего в этих административных образованиях уже в русский период. Допустима и несколько иная точка зрения: здесь жили русские, но еще сохранялась историческая память о специфике местного населения в прошлом. Это могло поддерживать традицию существования особой административной единицы.

Названия видов населенных пунктов также могут косвенно указывать на этническое своеобразие местного населения. Так, наличие в составе Чарондской округа «улусцев» *Солза*, *Тордокса*, *Чужга* [см.: Колесников, 1971, 116–118] наводит на мысль о том, что местное население в них первоначально отличалось от русского. Названия деревень *Вежа*, *Улус*, *Чум* также могут указывать на этническую специфику жителей в прошлом. Однако при анализе таких фактов следует учитывать бытование соответствующих терминов в местных русских говорах и возможную полисемию. Исследование Ю. И. Чайкиной, посвященное административной лексике Белозерья, в котором подробно рассматривается и слово *улус*, дает возможность не останавливаться на этом вопросе [см.: Чайкина, 1976].

Топонимы такого рода не являются сколько-нибудь надежными маркерами, указывающими на древнее население, но они помогают сориентироваться и сузить круг поисков.

Во-вторых, косвенными этническими индикаторами нередко являются наименования, которые так или иначе могут указывать на существование в прошлом языческих представлений (урочища *Боги*, *Богова Гора*, *Болванское*, *Медвежьи Моляны*, *Молебное* и т. п.), но подобные факты сложно отде-

лять как от различных образных наименований, так и от официальной и народной христианской терминологии. Ср. в народном языке *бог* – ‘икона’ («богоносом был, боги носил», «сын-от богов в музею отдать хотел», «это божница, тут бог стоит» и т. п.). Тем более сюда нельзя относить такие случаи, как болота *Божья Чисть* (ср.: «Даже в историческое время население Северного края считает незанятую землю Божьей, доступной каждому желающему для обработки» [Островская, 1912]).

Более конкретны указания близких к этой группе производных от слова *поганый* в значении «языческий», ср. деревня *Поганцы* (теперь Городецк), река *Поганец* в Пинежском районе Архангельской области и наименование проживавшего в этих местах племени *Сура Поганая* (в памятниках XV в.); ср. еще *Тоймицы* («Тоймичи») *поганьи* (в памятнике XIII в.), а также коллективное прозвище жителей деревень Искробольского прихода в мерянских землях на северо-востоке Ярославской области – *поганки*. Но и в подобных случаях возможны иные толкования, связанные с более поздним значением прилагательного *поганый*.

Известный интерес для лингвоэтнической ориентации представляют также факты широкого распространения русской ойконимии, содержащей иноязычные имена и прозвища. Они иногда указывают на общий этнический фон в прошлом, но, в сущности, уже требуют глубокого этимологического изучения материала, которое сближается с исследованием субстратной топонимии.

Напротив, так называемые топонимические легенды почти всегда представляют интерес только для фольклористов, не имея «под собой никаких исторических оснований» [Попов, 1965, 65–66]. Только в очень редких случаях они бывают полезны. Так, многочисленные топонимические легенды о *панах* – память о горестном для русских людей Смутном времени XVII в. – в сочетании с топонимами *Панские горы*, *Панские холмы*, *Панский ручей* (болото, озеро), поле *Панское* и т. п. позволяют усомниться в довольно распространенной не только среди археологов, но и среди лингвистов версии, что русское диалектное *пан*, *панок*, имеющее богатую полисемию, в значении ‘курган’ связано с финским *panna*, вепсским *panda* ‘положить’ [см.: Ткаченко, 1985, 143, со ссылкой на Е. И. Горюнову, Ю. Мягистэ и В. Пименова].

Собственно русская топонимия рассматривалась здесь только с одной определенной точки зрения – насколько она значима для выявления лингвоэтнического субстрата. Казалось бы, следует сделать не особенно оптимистичный общий вывод, так как налицо множество пестрых, допускающих разные толкования фактов, среди которых есть единичные и сомнительные. В основном такие топонимы указывают с той или иной степенью определенности только на наличие контактов на данной территории между русскими и каким-то иным населением, этническую принадлежность которого далеко не всегда удастся установить. Однако значение таких фактов возрастает, когда они рассматриваются в комплексе со свидетельствами смежных наук или другими языковыми материалами.

Так, название деревни *Карельское* (Плесецкий район Архангельской области) становится более ярким этнодифференцирующим свидетельством, если

учесть следующий текст, записанный в этой деревне: «Валун у нас был посреди поляны, *Бабкой* его называли, мы этой *Бабке* поклонялись, и матери наши поклонялись, вроде как святой камень. Кто цветочки приносил, кто хлебушка». В этом высказывании отчетливо выступают черты финно-угорского поклонения святым камням. Значит, и название *Карельское* – не модификация какого-нибудь этноантропотопонима (например, *Карелинское* > *Карельское* и т. п.) или результат переноса. Поэтому можно допустить, что здесь действительно жили карелы. Но наиболее интересны такие относительно редкие случаи, когда в комплексе выступают однородность фактов, их высокая частотность, ареальная смежность, иногда соотносительность с памятниками материальной культуры и корреляция с аналогичными явлениями на других территориях. Это создает системообразующую группу топонимов, их комплекс, нередко однозначно указывающий не только на зону расселения дорусского населения, но и на его лингвоэтническую принадлежность. В Переяславском и Ростовском районах Ярославской области, по данным А. Альквист, засвидетельствовано 14 *Синих Камней*, связанных с языческими представлениями древних мерян [см.: Альквист, 1996]. В других местах на территории России это обычные цветочные названия, нигде не образующие скопления столь высокой плотности, как в ярославских краях, за исключением, однако, региона Поважья в Архангельской области, где на примерно такой же по площади территории зафиксировано 13 *Синих Камней*. Ясно, что такое соответствие не может быть случайным [подробнее см.: Матвеев, 1998, 97–98]. Легко представить ценность этих данных, учитывая, что имеются и другие сведения о мерянских мигрантах в Поважье.

Альквист А. Загадочные камни Ярославского края // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum, Jyväskylä 10.–15, 8. 1995. Ps 7. Literatura, Archaeologia & Antropologia. Jyväskylä, 1996.

Колесников П. А. Северная Русь. Вологда, 1971.

Матвеев А. К. Еще раз об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Вып. 3. Свердловск, 1984.

Матвеев А. К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // Вопр. языкознания. 1998. № 5.

Островская М. Древнерусский северный мир // Изв. Арханг. о-ва изучения Русского Севера. 1912. № 3, 1 февр. Архангельск, 1912.

Пантелеева А. А., Янчевская Н. В. Ареалы этнонимов *карел*, *самоед* и *чудь* в Архангельской области // Изучение географических названий. Вопросы географии. М., 1966.

Попов А. И. Географические названия: (Введение в топонимику). М.; Л., 1965.

Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев, 1985.

Чайкина Ю. И. История административной лексики Белозерья // Лексика севернорусских говоров. Вологда, 1976.